

Владимир Михайлович Алпатов

Россия, Институт языкознания РАН, Москва

Русский язык и мировая лингвистика

Мировая лингвистика сформировалась, прежде всего, на основе европейской традиции, восходящей к античности. Эта традиция, как и каждая другая, при своем формировании основывалась на особенностях базового языка, которым был древнегреческий; вскоре к нему добавился и латинский. Еще в древности традиция разделилась на два варианта, однако ввиду типологического сходства этих языков и близости греческой и римской культур два варианта не имели значительных различий между собой.

В дальнейшем, в XV–XIX в. (в разных странах несколько в разное время), сложились национальные варианты европейской традиции. В частности, ее русский вариант в основном сформировался в XVIII в. (В. Е. Аодуров, В. Г. Третьяковский, М. В. Ломоносов). Поначалу эти варианты находились под сильным влиянием греко-латинского эталона, но постепенно его место во все большей степени занимал эталон, связанный с русским языком. Например, в России М. В. Ломоносов рассматривал по античному образцу имя как единую часть речи, но ученые XIX в. уже выделяли существительные и прилагательные, поскольку в русском языке они склоняются по-разному. Аналогичные процессы шли в английском, французском и других вариантах, но поскольку русский язык, сохранивший развитое словоизменение, типологически ближе к классическим языкам, чем английский или французский, то русский вариант традиции в целом изменился меньше по сравнению с античным.

В наши дни, казалось бы, выработаны методы, позволяющие единообразно описывать любой язык и отвлекаться от такого случайного фактора, как родной язык исследователя. Однако оказывается, что до конца этот фактор преодолеть трудно, и, например, носителю русского или английского языка трудно избавиться от представления о том, что именно его язык является эталоном «нормального» языка. Но для носителей разных языков представление будет разным.

Как писали еще полвека назад А. А. Зализняк и Е. В. Падучева,

[...] естественно [...], что когда лингвист переходит от описаний родного языка к построению общей теории языка, основные понятия построенной им теории

часто сохраняют тесную связь с фактами, которые хорошо представлены в его родном языке [Зализняк, Падучева 1964: 7].

Об этом пишут и в работах последних лет:

Даже в современном мире, как далеко ни зашла глобализация, можно обнаружить известную корреляцию между стилем научного исследования и национальной почвой [Клубков 2011: 5].

Приведу ряд примеров, в основном сопоставляя русский и англоязычный варианты европейской традиции; в одном случае речь пойдет и о французском варианте, имеющем больше сходств с английским. Один пример относится к фонологии, большинство – к грамматике.

Общепризнанно, что в фонологической системе русского языка важнейшее место занимает противопоставление согласных фонем по наличию/отсутствию признака палатализации (мягкости). Этот признак не особенно част в языках мира [Кодзасов, Кривнова 2001: 446], в том числе его на фонологическом уровне нет во многих европейских языках, включая английский. Но есть серьезные основания относить к языкам с палатализацией японский. В России, начиная с Е. Д. Поливанова [Поливанов 1917], такая точка зрения господствует и отражается в кириллической транскрипции японских слов. Однако англоязычные японисты не замечают мягких согласных и трактуют разные элементы единой системы по-разному. Некоторые из японских палатализованных согласных имеют также более заднюю артикуляцию, которая воспринимается в России как дополнительный, а в США как основной признак. Поэтому последовательностям *ся*, *тя* в кириллической транскрипции соответствуют *sha*, *cha* в стандартной латинице. Отсюда разницей в современном русском языке, когда одновременно встречаются непосредственные заимствования из японского (*суси*, *Хитачи*) и заимствования через посредство английского (*суши*, *Хитачи*). Если же звуки различаются только палатализацией, то носители английского языка слышат сочетания с йотом: *мя*, *кя* в кириллице и *mya*, *kyu* в латинице. В англоязычной японистике противопоставления рассматриваются то как противопоставления фонем, то как противопоставления фонем их сочетаниям с йотом. Но носителям языка, где нет палатализации, ее услышать трудно [подробнее см. Алпатов 2008].

В области грамматики стоит обратить внимание на высказывание знаменитого французского индоевропейца А. Мейе, появившееся еще в 1903 г. Он писал:

Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен. [...] Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменительными элементами [...]. В латинском языке для значения «волк» нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм: *lupus*, *lure*, *lurum*, *lurī*, *lurb*, *lurbōs*, *lurbōrum*, *lurīs*. Нет ничего менее ясного, чем подобный

прием. [...] Все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше – другие позже, обнаружили склонность упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми [Мейе 1903/1938: 426–427].

То есть для лингвиста-носителя французского языка неизменяемое слово – норма, а развитое словоизменение – «своеобразный» и «сложный» тип.

Однако автор комментариев к русскому изданию книги А. Мейе – Р. О. Шор – по этому поводу справедливо писала:

Как понимание структуры отдельного слова [...], так и понимание структуры предложения древнейших индоевропейских языков не представляет с точки зрения русского языка – языка синтетического строя – тех затруднений, которые оно представляет с точки зрения французского языка – языка аналитического строя [Шор 1938: 500].

Для носителей русского языка тут нет ничего неясного.

Русские представления здесь иные. Их выразил, например, А. И. Смирницкий:

Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна́*, *окну*, *окна* и пр., но не *оки*- [Смирницкий 1955: 14].

«Обрубок» – не лингвистический термин, но он точно передает интуицию носителя русского языка, для которого «неоформленное» слово ощущается как нарушение нормы или, по крайней мере, как исключение, свойственное либо периферийной лексике, либо служебным словам, которые как бы и не совсем слова. Отмечу, что А. И. Смирницкий по лингвистической специализации был германистом и много занимался как раз английским языком, но в общелингвистических работах исходил из русского эталона.

Приведу еще пример из области японистики. Японская падежная система вполне соответствует данному названию с точки зрения функции падежей, однако споры вызывал вопрос о трактовке падежных показателей: это отдельные слова или аффиксы. Японская национальная традиция, как и англоязычная японистика, всегда считает их отдельными словами. Но в русской традиции принято считать, что любая грамматическая категория, включая падеж, определяется «совокупностью словоформ (парадигмой)» [Грамматика 1970: 317]. То есть хотя бы некоторые из падежей того или иного языка должны выражаться внутри именной словоформы; следовательно, если падежные показатели – слова, то в японском языке нет грамматической категории падежа, есть только послеложные конструкции. Но все выглядит иначе, если признать японские падежные показатели аффиксами, что и сделал тот же Е. Д. Поливанов [Плетнер, Поливанов 1930: 145–146]. Для лингвиста, исходящего (может быть, и бессознательно) из русского языка как точки отсчета, кажется естественным случаем, когда и в исследуемом языке

слово «оформлено», имея в своем составе грамматические аффиксы. Если же такого аффикса нет, то более естественным может казаться трактовка его отсутствия как нуля, чем как совпадения слова с основой.

При рассмотрении японского языка разные привычки носителей русского языка вступают в противоречие: в «нормальном» языке должны быть, с одной стороны, падежи, с другой стороны, грамматическое оформление слова. То и другое совмещалось в концепции падежного словоизменения, которая никогда не приходила в голову англоязычным японистам. Эта точка зрения существовала только в российской японистике, одно время была господствующей, но во второй половине XX в. была оставлена. Однако понятие падежа в японском языке устояло ценой отказа российских японистов от общелингвистического определения падежа, слишком ориентированного на особенности языков с развитым словоизменением.

Представления о «норме» языка могут отражаться в самых разных случаях. Общеизвестна грамматически правильная фраза, сконструированная Н. Хомским: *Colorless green ideas sleep furiously* – «Бесцветные зеленые идеи спят яростно». Но любопытен приводимый тут же пример грамматически неправильной фразы: те же слова расположены в обратном порядке. Носитель русского языка не мог бы привести такой пример: соответствующая русская фраза не очень естественна, но грамматически правильна. Зато легко сделать ее неправильной, заменив при любом словопорядке *спят* на *спит*. И Н. Хомский имел возможность заменить, скажем, *sleep* на *sleeps*. Но он явно исходил из представления, затем закрепившегося в генеративной лингвистике: синтаксические правила, прежде всего, – правила порядка. Русская же традиция привыкла уделять главное внимание в синтаксических исследованиях согласованию и управлению (кстати, к описанию согласования и управления когда-то сводился античный синтаксис). И случайно ли, что до сих пор нет сколько-нибудь полной генеративной грамматики русского языка (и, если не ошибаюсь, вообще такой грамматики языка со свободным порядком слов)?

Уже почти столетие известны два основных способа представления синтаксической структуры предложения: грамматика зависимостей и грамматика составляющих. В англоязычной лингвистике структура предложений обычно представляется в рамках так называемой грамматики составляющих, восходящей к Л. Блумфилду. Предложение при таком подходе делится на части, у большинства лингвистов деление на каждом шагу бинарно. В наиболее частом случае двусоставного предложения оно делится на составляющие: обычно это *nominal group* и *verbal group*; если эти составляющие состоят из нескольких слов, они, в свою очередь, делятся на две части, и т. д.; в результате получают составляющие разных рангов. Часто разложение на составляющие идет дальше границ слова и независимо от них, доходя до морфем (корней и аффиксов). Такая схема наглядно представляется в виде скобок,

каждая пара скобок включает составляющую, пары скобок вкладываются друг в друга, но не пересекаются.

В российской науке такое представление до недавнего времени не было принято, его место обычно занимает так называемая грамматика зависимостей, с которой в России знакомятся еще в школе. В этом случае предложение понимается как состоящее из слов и синтаксических отношений между ними. Выделяется главное слово (сказуемое и/или подлежащее), от него проводится стрелка к зависимым членам предложения, далее к зависимым членам второго ранга, и т. д. Предложение предстает как совокупность слов и синтаксических связей между ними, а их порядок существенной роли не играет. На Западе такое представление синтаксических структур иногда называют «графами Теньера», поскольку их употреблял французский лингвист Л. Теньер [Тesnière 1959]. Отмечу, что он был славистом, изучал работы русских лингвистов и мог использовать их идеи.

Каждый из двух подходов имеет свои преимущества и недостатки [см. Тестелец 2001: 106, 145–149]. Грамматика зависимостей принципиально не меняется при перемене порядка слов, что, вероятно, соответствует привычкам людей, для которых родной язык – русский. Но грамматика составляющих исходит из того, что составляющие в норме должны быть непрерывны, что, видимо, естественно для носителей английского языка, для которых существенно представление о корреляции между степенью синтаксической и линейной близости слов. Свободный порядок слов требует усложнения грамматики составляющих. С другой стороны, грамматика зависимостей требует обязательного членения текста без остатка на слова, что не всегда легко сделать. В грамматике же составляющих можно обойтись без выделения слова; видимо, с этим связана тенденция ряда современных лингвистов понизить слово в ранге или исключить это понятие [см., напр., Haspelmath 2011].

В этом проявляется различие строя базовых языков:

Ясно, что русский язык, с относительно свободным расположением слов, менее удобно анализировать по непосредственным составляющим, чем английский; аналогично, для английского языка понятие дерева зависимостей является менее естественным, чем для русского [Зализняк, Падучева 1964: 7].

Отмечу, что почти одновременно с Л. Блумфилдом нечто похожее на грамматику составляющих предлагал и Е. Д. Поливанов, но не для русского или даже английского, а для китайского языка. Он рассматривал структуру китайского предложения как множество «инкорпораций»; по единой модели строятся и слова, и «сочетания двух или более двухсложных или многосложных слов», а между «схемами инкорпораций-слов» и «схемами инкорпораций-словосочетаний» нет принципиального различия [Иванов, Поливанов 1930: 238–239]. За исключением акцентуационных характеристик слов, нет

разницы между китайской морфологией и китайским синтаксисом, «вместо двух принципиально-отличных систем [...] – *морфологии* и *синтаксиса* [...] мы имеем нечто *одно*» [Иванов, Поливанов 1930: 22]. Этим китайский язык для него отличается от русского и других языков. «Мы имеем право подойти к предикативной инкорпорации с тем же формальным анализом, что и к количественно-равновеликим инкорпорациям вышерассмотренных типов» [Иванов, Поливанов 1930: 259–260]. Главное отличие идей Е. Д. Поливанова от грамматики составляющих заключается в том, что американские ученые идут «сверху», от предложения, которое делится на все более мелкие части, а Е. Д. Поливанов, наоборот, идет «снизу»: исходны морфемы. Таким образом, Е. Д. Поливанов, русифицировав грамматику японского языка, в котором есть (в глаголе) безусловное словоизменение, иначе подошел к китайскому языку, предложив иную схему, основанную на жестких правилах порядка. Однако англоязычные лингвисты, в частности, генеративисты обычно не делают различий между языками разного строя; у них морфология и синтаксис обычно сливаются в нечто единое, именуемое синтаксисом.

По-видимому, грамматика зависимостей кажется естественной носителям русского языка, где слова обычно четко выделяются, их грамматические функции очевидны благодаря их «оформленности», а их порядок почти всегда свободен. Но грамматика составляющих естественнее для носителей английского языка с жесткими правилами словесного порядка и менее ясными границами слов. Здесь в отличие от русского языка слова часто получают синтаксическую роль лишь в зависимости от места в предложении.

Еще одна область – типология порядка слов. Американские исследования (Дж. Гринберг и др.) основаны на понятии базового порядка слов, то есть такого порядка членов предложения, который в языке либо единственно возможен, либо при допустимости перестановок встречается чаще всего. При таком подходе русский и английский языки по большинству параметров оказываются в одном классе языков SVO, хотя не только лингвисты, но все носители каждого из языков при изучении другого из них испытывают большие трудности при освоении словопорядка, поскольку степень его строгости там различна. Единственная известная мне попытка построить типологию порядка слов, основанную не на базовом порядке, а на степени его строгости (несущественной для Дж. Гринберга), была предпринята в СССР [Холодович 1966]. Она, правда, не получила развития, но сам факт таких различий подходов показателен и, видимо, может быть объяснен подспудным влиянием базового языка.

Наконец, традиционная терминология. Трудно дать стандартный и общепонятный английский перевод для привычных в России терминов *знаменательное слово*, *служебное слово*, *словосочетание*, *главное предложение*, *придаточное предложение*. Мне однажды не удалось напечатать за рубежом английский вариант уже публиковавшейся по-русски статьи о японском языке:

в ней важную роль играло деление слов на *знаменательные* и *служебные*, но редакция международного сборника потребовала исключить не термины, но сами понятия, что означало бы написать другую статью. Синтаксически несамостоятельные слова могут называть *particles* или *clitics*, но можно ли так называть, скажем, вспомогательные глаголы? А русский термин *частица* уже по значению, чем *particle*. Общего же термина для самостоятельных слов, не являющихся *particles* или *clitics*, в английском варианте традиции просто нет.

С другой стороны, до недавнего времени не имели точного русского эквивалента англоязычные термины *phrase* и *clause*. Первый из них – не то же самое, что *фраза* в русской традиции: *фраза* – более или менее то же самое, что *предложение*, но *phrase* может быть словосочетанием и даже словом. Русскому термину *словосочетание* точнее всего соответствует как раз *phrase*, но не наоборот: словосочетание не может равняться одному слову. Такой подход, с точки зрения носителя русского языка, стирает важное различие между словом и словосочетанием. А термины *sentence* и *clause* покрываются термином *предложение*, не будучи синонимами: *sentence* может состоять из нескольких *clause*, но не наоборот. Термин *clause* близок к русскому *придаточное предложение*, но не идентичен ему: сложносочиненное предложение делится на *clauses*, но не на *придаточные предложения*. Наконец, термину *главное предложение*, как и термину *знаменательное слово*, нет принятого эквивалента в английском языке.

Таким образом, мы имеем два ряда терминов: *sentence* – *clause* – *phrase* – *word* и *предложение* – *словосочетание* – *слово*. Точного соответствия нет. Правда, в самое последнее время в некоторых школах российской лингвистики распространился термин *клауза*, но это уже прямое влияние англоязычной традиции, все более становящейся международной.

И дело не просто в терминах. Для носителя русского языка синтаксис – это, прежде всего, согласование и управление, выражаемые словоизменением. Такое представление естественно выражается и в том, что компонентами предложения признаются слова (любые или только знаменательные), но не словосочетания. Однако носитель английского языка, по-видимому, не привык находить опору в формах слов, тогда как их порядок для него почти всегда важен, а синтаксически наиболее тесно связанные компоненты в норме должны и стоять рядом. Поэтому русская традиция пошла по пути грамматики зависимостей и по пути разграничения главных и придаточных предложений, а англоязычная – по пути грамматики составляющих и выделения *phrase*.

И уже упоминавшееся отношение к понятию слова в разных вариантах европейской традиции. Оно было центральным во всей европейской традиции тогда, когда она исходила из греческого и/или латинского эталона. В ее русском варианте это сохранилось, но в западноевропейских вариантах с XX в. слово начало отходить на задний план; позже оно стало вообще исчезать. Показательны включение морфологии в состав синтаксиса

в генеративизме и некоторых других направлениях западной лингвистики и идея М. Хаспельмата о едином морфосинтаксисе.

Представляется, что перечисленные различия имеют психолингвистические основания, о чем свидетельствуют данные исследования афазий и детской речи.

Еще в 1940-е гг. А. Р. Лурия, изучая речевые расстройства у носителей русского языка, отметил, что речь у них на любом этапе афазии остается словесной. При моторной афазии больные (в случае, если у них не нарушен процесс артикуляции) сохраняют способность произносить изолированные слова и не теряют словарный запас, но не могут произносить их сочетания; на уровне отдельных слов происходит и восприятие [Лурия 1947: 76–77]. Речь таких больных состоит из отдельных слов (звуковой облик которых обычно не искажается), причем служебные слова не употребляются, используются (кроме отдельных штампов) лишь формы именительного падежа единственного числа (реже именительного падежа множественного числа) существительных, инфинитива и 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов. Больные данным видом афазии не могут правильно разложить слово на звуки и на морфемы, теряется возможность склонять и спрягать [Лурия 1947: 90–91]. К таким же выводам приходят и современные исследователи [Черниговская 2013: 193–195].

Исследования детской речи также подтверждают, что «в подавляющем числе случаев слова не производятся, а воспроизводятся, т. е. извлекаются из памяти в готовом и (если иметь в виду слова с членимой основой) собранном виде» [Цейтлин 2009: 58]. «Бесфлексийное использование слов вообще невозможно» [Цейтлин 2009: 112], а представления о морфемах, «умение вычленять в составе словоформ значащие части» [Цейтлин 2009: 61] формируются намного позже.

Опыты с носителями русского языка показывают, что для них базовая единица, прежде всего словоформа, почти всегда включающая аффиксы в свой состав. «В русском языке операции с флексиями задействованы всегда; иными словами, даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным» [Черниговская 2013: 168].

Но для английского языка ситуация оказывается несколько иной. На том этапе, когда русские дети говорят «замороженными словоформами», англоязычные дети говорят основами; у этих детей отсутствуют не только служебные слова, которых на соответствующей стадии еще нет и у русских детей, но и аффиксы, абсолютно необходимые в русской речи [Цейтлин 2000: 84; 2009: 112]. Исследования афазий, проведенные Т. В. Черниговской и ее сотрудниками, приводят к выводу, что в английском языке регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* (который принято считать аффиксом) составляются из компонентов (производятся), а не хранятся в готовом виде (воспроизводятся). Нерегулярные формы неправильных глаголов, однако, воспроизводятся

[Черниговская и др. 2009: 14; Черниговская 2013: 167]. Исследователи афазии и детской речи на материале английского языка приходят к выводу о

[...] независимых механизмах порождения этих двух видов паттернов, согласно которым регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком [Черниговская 2013: 151].

Однако

[...] все эти гипотезы разрабатывались на материале английского языка, в котором имеется только один регулярный класс [глаголов. – В. А.] и отсутствует сильно развитая морфологическая система. Очевидно, что они не могут полностью применяться к языкам с более развитой морфологической системой. [...] Можно предположить, что резкое противопоставление регулярного и нерегулярного механизмов в русском языке не является продуктивным [Черниговская 2013: 172–173].

Итак, многие различия русского и англоязычного вариантов европейской лингвистической традиции могут получить психолингвистическое объяснение. Разумеется, носители любого языка имеют в своем распоряжении лексикон, набор базовых единиц и правила порождения из них предложений (при афазиях бывает, что один из этих механизмов сохраняется, а другой выходит из строя). Однако в русском языке базовые единицы сложнее по своему составу, чем в английском (и, по-видимому, во французском, о чем косвенно свидетельствуют рассуждения А. Мейе). Процесс порождения предложений для английского языка в основном сводится к соположению базовых единиц на основе правил порядка, а в русском языке, помимо синтаксических механизмов, имеются и морфологические, порождающие не базовые словоформы. При моторной афазии, которую описал А. Р. Лурия, больные одновременно не могли сочетать и изменять слова. В прошлом, по-видимому, и английский язык, имевший развитое словоизменение, обладал морфологическими механизмами, теперь в них уже нет необходимости, а формы неправильных глаголов, реликт бывшего словоизменения, хранятся в памяти в готовом виде. Многие из вышеупомянутых отличий национальных вариантов традиции могут прямо или косвенно вытекать отсюда.

Если лингвист исследует чужой для него язык, то он сознательно или чаще бессознательно выбирает решение, более естественное с точки зрения родного языка. Такая подсказка может в той или иной ситуации приводить к верному или неверному решению, что видно в вышеприведенных японских примерах. Выделение в японском языке фонологически значимой палатализации рационально, но этому мешают неосознанные привычки англоязычных лингвистов; однако японские падежные показатели рациональнее считать не аффиксами, а отдельными словами (они в некоторых случаях могут отделяться от существительных), но для носителя русского языка хочется везде находить «оформленные» слова.

Разумеется, на исследователя может влиять не только родной язык. Показателен пример французского русиста Л. Теньера, использовавшего идеи русской науки. В советское время в национальных республиках СССР нередко описания своих языков строились по образцу русского. Сейчас же процессы глобализации заметно усилили в разных странах тенденцию считать аналитический английский язык эталоном «языка вообще».

Русский язык всегда лежал в основе лингвистических теорий, создававшихся в русской науке. Даже лингвисты, специально не занимавшиеся этим языком, как германист А. И. Смирницкий, в первую очередь, опирались на его данные. В то же время за пределами России он мало учитывался при построении теорий (исключение составляли игравшие важную роль в мировой лингвистике XX в. эмигранты из России и изредка слависты вроде Л. Теньера). В последнее время английский язык стал возводиться в ранг всеобщего эталона, тогда особенности русского языка вроде свободного порядка слов рассматриваются как отклонения от базовых принципов языка или вообще игнорируются. Однако остается проблема разграничения общих свойств языка, поставленная еще в XVII в. в грамматике Пор-Рояля; здесь сопоставление национальных лингвистических вариантов может помочь.

Литература

- Алпатов В. М., 2008, Сасими или сашими? [в:] А. В. Архипов и др. (ред.), *Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова*, Москва: Языки славянских культур.
- Грамматика, 1970: Шведова Н. Ю. (отв. ред.), *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва: Наука.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В., 1964, О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста [в:] Ю. Лотман (отв. ред.), *Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам*, Тарту: Тартуский государственный университет.
- Иванов А. И., Поливанов Е. Д., 1930, *Грамматика современного китайского языка*, Москва: Институт востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР.
- Клубков П. А., 2011, *Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.)*, Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф., 2001, *Общая фонетика*, Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета.
- Лурия А. Р., 1947, *Травматическая афазия*, Москва: Издательство Академии медицинских наук СССР.
- Мейе А., 1938, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, под ред. и с примечаниями Р. О. Шор, Москва–Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.
- Плетнер О. В., Поливанов Е. Д., 1930, *Грамматика японского разговорного языка*, Москва: Московский институт востоковедения.

- Поливанов Е. Д., 1917, *Психофонетические наблюдения над японскими диалектами*, Петроград: Типография М. П. Фроловой (влад. А. Э. Коллинс).
- Смирницкий А. И., 1955, Лексическое и грамматическое в слове [в:] *Вопросы грамматического строя. К 60-летию академика В. В. Виноградова*, Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Тестелец Я. Г., 2001, *Введение в общий синтаксис*, Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета.
- Холодович А. А., 1966, К типологии порядка слов, *Филологические науки*, № 3.
- Цейтлин С. Н., 2000, *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*, Москва: Владос.
- Цейтлин С. Н., 2009, *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*, Москва: Знак.
- Черниговская Т. В., 2013, *Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание*, Москва: Языки славянской культуры.
- Шор Р. О., 1938, Комментарии [в:] Мейе А., *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, под ред. и с примечаниями Р. О. Шор, Москва–Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.
- Haspelmath M., 2011, The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax, *Folia Linguistica*, Vol. 45, 1.
- Tesnière L., 1959, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris: Librairie C. Klincksieck.